

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**ТАНКИ В СПИНУ
НЕ СТРЕЛЯЮТ**

Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть

Сергей Зверев

Танки в спину не стреляют

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Танки в спину не стреляют / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2022 — (Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть)

ISBN 978-5-04-177152-2

1944 год. Красная армия освобождает Белоруссию. Чтобы сдержать натиск, фашисты разместили вдоль линии фронта концентрационный лагерь, прикрывшись им, как живым щитом. Стремясь избежать потерь среди пленных мирных жителей, советское командование вступило с немцами в переговоры. В них участвовал и танкист старший лейтенант Алексей Соколов, чья любимая девушка Ольга оказалась в числе узников. Фашисты согласились сохранить заключенным жизнь при условии, что наши не будут преследовать отступающие части вермахта в течение суток. Но уже на подходе к лагерю танкисты Соколова столкнулись с непредвиденными страшными обстоятельствами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177152-2

© Зверев С. И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Иванович Зверев

Танки в спину не стреляют

© Зверев С.И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Все окружающее, казалось, вдруг перевернулось, поменялось местами, слилось в одно снеговое пятно. Где земля?! Вместо нее – бескрайнее снежное поле. Блестит что-то в белом вихре перед фюзеляжем «По-2». То ли звезды, то ли огни на дороге – в таком снегопаде и не разобрать. Земля и небо смешались, так что теперь ни пилот, ни штурман не понимали, где летит самолет. Остается лишь ориентироваться на внутреннее чутье: в биплане не задуманы приборы для слепого полета в снежном буране. Даже не различить самый верный ориентир реку Сож – серебристую ленту скрыл снежный вихрь.

– Мы за линией фронта, – сказала штурман 46-го авиационного гвардейского полка. Она определила, что пересекли линию фронта, по времени полета.

Летчица кивнула в ответ. И снова штурман засекала время, еще двенадцать километров от линии фронта до цели.

– Боевой курс!

Девушка за штурвалом точно опустила легкий самолет на нужную высоту, отключила мотор. Самолет пикировал в полной тишине, слышался только негромкий шелест воздуха под крыльями. Именно поэтому немцы называют их авиаотряд «ночными ведьмами»: атакуют всегда в темноте, ночью, без звука, не страшась артиллерии и огня. Только тихий шорох, словно ведьмина метла шуршит.

– Огонь!

Освободившись от четырех бомб, «По-2» взмыл вверх. Сразу загудели моторы, самолет стал разворачиваться – цель уничтожена, можно возвращаться на аэродром. Но яркий луч прожектора осветил самолет с летчицей и штурманом, в ту же секунду заухали немецкие зенитки, затянув все вокруг черным дымом.

– Тоня, бери больше вправо! Ах! – Штурман вскрикнула и дернулась от жгучей боли в боку. Сотни трассирующих пуль жалили с левого фланга крыло самолета, словно огненные пчелы. Взрывы, хлопки со всех сторон. Легкий штурмовик закрутился, протаранил черно-оранжевую стену из выстрелов, вывернул в сторону, накренился вниз и со свистом исчез за черными верхушками высоких деревьев.

По бортам захлестали еловые лапы, все ниже и ниже – 400 метров, 200, 100! Биплан, как легкая лодка, вонзился острым носом в сплетение веток двух накренившихся старых сосен. Винт закрутил вокруг себя мохнатые еловые лапы, расшвыривая снег во все стороны, захрипел и затих.

– Эй, штурман! Приземлились, получилось. Дина, ты что молчишь?! – Летчице казалось, что она кричит изо всех сил. Но она шептала еле слышно, ворочалась, пытаясь повернуться назад к штурману.

Не по размеру огромная стеганая ватная куртка становилась все тяжелее от каждого движения, набухая от пульсирующей из ран крови. Девушка застонала от запоздалого ощущения пронзительной боли в бедре и левом боку, попыталась вылезти из кабины, но рухнула назад. Усиливающаяся слабость лишила ее равновесия, руки перестали слушаться, а перед глазами сгустилась темнота.словно через толстый слой ваты она услышала скрип снега под обувью человека. Тоненькая фигурка в огромном тяжелом пальто спешила по сугробам, то и дело проваливаясь в сугробы. Девушка в темном пуховом платке подобралась поближе к повисшему между стволов самолету. Она покрутилась внизу – слишком высоко. Сбросила неудобные валенки и полезла вверх, цепляясь окоченевшими пальцами за мерзлые ветки.

Летчица услышала над ухом чье-то дыхание:

– Вы слышите меня? Вы ранены, у вас кровь. Я из партизанского отряда, связная, Оля, Оля Воробьева. Я сейчас побегу за нашими ребятами в партизанское укрытие. Слышите? Вы держитесь! Мы спасем вас! Два часа, потерпите два часа, и я приведу помощь!

– Стой, – еле слышный шепот остановил партизанку. – Скажи, передай, что мы выполнили задание. Гвардии младший лейтенант Высоцкая и младший лейтенант Полунина.

Голова в шлеме бессильно легла на борт кабины, стукнувшись очками о металлическую раму. Оля коснулась холодеющей щеки молодой женщины:

– Очнитесь, нет, не умирайте. Потерпите! Я приведу, приведу помощь!

Ольга, тихо всхлипывая, шагнула на крыло, цепляясь за край кабины. Вторая девушка тоже мертва. Со стороны казалось, что она просто закрыла на секунду глаза и откинула на спинку кресла голову в летном шлеме. Широкие брови, тонкие черты лица – настоящая спящая красавица. Но Ольга, сунув руку за отворот куртки, еле сдержала крик от ощущения липкой, еще теплой крови, пропитавшей одежду. Комсомольский билет, красноармейская книжка разбухли и начали сворачиваться под бурными разводами. Девушка из партизанского отряда забрала документы у штурмана и летчицы, бросила прощальный взгляд на их застывшие тела и пообещала:

– Я вернусь! Я расскажу всем про ваш подвиг и про вашу героическую гибель! Мы... – Голос ее не слушался, срывался от слез. – Похороним вас как героев. Спите спокойно, боевые подруги!

Оля с трудом слезла с дерева. Холод сделал тело непослушным, деревянным. Девушка спрятала за пазуху пропитанные кровью документы отважных летчиц и зашагала через лес. Она не замечала, как на щеках застывают на ходу льдистые дорожки из слез, за годы войны привыкла, что иногда плачет беззвучно. Сколько уже длится война! Третий год она является связной в партизанском отряде, доставляет важные сведения из города, оккупированного немцами, к партизанскому укрытию в глубине лесных топей и возвращается обратно. Проносит в огромном пальто лекарства, шифровки, патроны, продукты. А немцы никак не уходят из города, хоть в партизанском штабе и говорят каждый день о наступлении Красной армии на силы вермахта. Советский Союз уже уверен в своей победе над Гитлером, Левитан по радио ежедневно докладывает об успешных боях по освобождению Украины и Белоруссии. Наши войска расширяют плацдарм на правом берегу Днепра, отвоевывая в тяжелых боях каждый километр земли. От того Оле было еще печальнее: бедные девчонки-летчицы не успели дожидаться окончательного разгрома фашистских сил. Поэтому она торопилась изо всех сил, чтобы вернуться в город до рассвета и спрятать документы девушек в тайнике. Ночью, как только дежурные на блокпостах потеряют бдительность, связная прошмыгнет мимо них через проход по старому кладбищу, а оттуда двинется в глубину леса. Через четыре часа хода по незаметной тропе она окажется в партизанском отряде, расположившемся в землянках. У партизан есть радиоточка для передачи информации, и тогда в штабе узнают о героической смерти экипажа «По-2».

Связная отважно выполняла каждое задание партизанского соединения, пробираясь через лес в бурю или под дождем. И каждый раз Ольга думала о том, что сведения, которые она собирает и передает партизанам, помогут воинам Красной армии одержать победу над вражескими захватчиками. И тогда в ее город войдет армия освободителей с танками впереди. И в одном из танков будет ее жених, лейтенант, командир танка Алексей Соколов.

Вдруг в предрассветной тишине раздались автоматные очереди и лай собак. Ольга в тревоге застыла, прислушиваясь к крикам поодаль. Девушка уже почти дошла до второстепенной дороги, ведущей из города до старого кладбища, со своего места она видела перекошенную оградку, что шла вдоль заброшенных могил. Обычно в этой части пригорода было тихо в любое время суток. Ни жителей города, ни немецких оккупантов не интересовала грунтовая дорога, что тянулась пять километров, уходя в лес. Раньше по ней на гужевых повозках перевозили в город срубленные стволы деревьев, чтобы заготавливать дрова, но после авианалетов из-за

огромных рытвин и размокшей глинистой почвы пользоваться дорогой было невозможно. Да и немецкая охрана выпускала из городка только с письменного разрешения коменданта. А сейчас по дороге передвигались толпы людей: брели старики в наспех надетых полушубках; шли женщины, прижимавшие к себе грудничков; тащились замерзшие, отчаянно плакавшие дети. Вокруг толпы в несколько тысяч человек двигалось кольцо из рядовых с автоматами в руках. За колонной следовал строй из фашистов. У них на поводках захлебывались от лая овчарки, чтобы никто из пленников не смог убежать под защиту леса.

Ольга не видела всей картины происходящего, слишком далеко она была от дороги. Но по человеческим крикам, топоту тысяч ног, от которого гудела земля, поняла, что происходит что-то страшное.

И люди в толпе нервничали, изыскивая возможность сбежать из этой колонны смерти. Изможденная женщина с котомкой с трудом несла мальчика лет десяти, шатаясь под тяжестью своего груза. Она с мольбой повернулась к охраннику, показывая обвисшего без сознания ребенка.

– Господин, пожалейте, можно я оставлю ребенка в городе? Умоляю, он болен! Он в бреду! У него тиф! Ему нужны лекарства! Я не могу нести его, у меня нету сил. – Она замедлила шаг перед крупным солдатом в длинной шинели.

Тот не ругался и не кричал, лишь внимательно следил за каждым движением идущих людей. Но он не успел ей ответить, подскочивший разъяренный офицер огрел огромным суком несчастную женщину по спине:

– Молчать, не разговаривать!

От удара та рухнула прямо под ноги солдату, выронив сына. Мальчика, обмякшего и бессильного, подхватили чужие руки, а на упавшую пленницу обрушились новые удары. Движение застопорилось, женский голос гневно выкрикнул:

– Остановитесь, что вы делаете! Вы убьете ее! Вы – звери!

Немецкий офицер вытащил маузер и выстрелил в голову лежащей на земле женщины. По взмаху перчатки подбежал переводчик-полицай и стал громко переводить слова своего начальника:

– Кто посмеет бежать, будет расстрелян. Кто посмеет сказать хоть слово, будет расстрелян. Кто отстанет, будет расстрелян.

Лейтенант выдернул из толпы старика, трясущегося от холода, скрюченного и безропотного. Одним ударом тяжелого сука он отправил немощное тело в канаву у дороги, вторым ударом добил несчастного. Торжествуя повернулся к обомлевшей толпе.

– Чего встали, свиньи! Вперед, быстрее!

Воспользовавшись заминкой, два мальчугана рука об руку бросились петлять между деревьями. Подальше от хрипов собак и трупов на обочине.

– Герр офицер, смотрите, беглецы! – Полицай указал на удаляющиеся фигурки.

– Взять их! Спустите собак! Вперед!

И тут толпа с криками бросилась бежать от дороги. Люди рассыпались по кустам, прячась за каждую кочку. Они уже поняли, что впереди ждет верная смерть и надо спастись любой ценой.

– Назад! – Охранники открыли огонь по убегающим.

– Собак, спускайте собак! Боевой цепью по лесу! – Унтер-лейтенант метался по дороге, выкрикивая приказы.

Рядовые бросились за беглыми пленными, поливая автоматными очередями все пространство вокруг, не давая людям поднять голову или спастись в чаще леса. Ольга в растерянности застыла за кустом, не зная, в какую сторону ей бежать. Дернулась всем телом назад, но на скрип снега обернулись двое мальчишек, залегшие в ямки. При виде Ольги они с криками бросились ей навстречу:

- Помогите, спрячьте нас! Они хотят убить нас!
- Тише, тише! – зашептала девушка, пытаясь успокоить детей.

Но те были слишком малы и напуганы, чтобы соблюдать осторожность. И их крики сразу же услышала охрана, невысокий солдат уже прицелился из автомата и выкрикнул:

- Выходите! Возвращайтесь на дорогу!
- Прошу вас! – Оля отодвинула плачущих мальчиков за спину, прикрывая их от выстрелов. – Отпустите, не надо нас убивать.
- Иди на дорогу обратно, или я выстрелю. – Дуло автомата показало на отрезок грунтовой, куда сгоняли пленных.

Деваться было некуда, она взяла мальчишек за руки и повела обратно к пятаку, где снова собирались люди. Часть беглецов застрелили, оставив лежать вдоль дорожных канав. Остальных выстроили и под конвоем повели дальше. Младший из мальчишек был так слаб, что Оле пришлось пристроить его себе на закорки. Сама худенькая и невысокая, она с трудом тащила ребенка, чувствуя спиной, как тот горит лихорадкой и со стоном мечется. Девушка попыталась спросить у старшего мальчика, давно ли заболел его брат, и тут же получила удар прикладом по плечу. «Упасть и притвориться мертвой, а потом отправиться к партизанам, рассказать, что всех из города куда-то увезли. На железку, наверное, везут, чтобы отправить в концлагерь. Надо бежать, спасаться», – мысли у Ольги кружились в лихорадке, ей хотелось броситься прочь, только бы не брести покорно со всеми по разбитой дороге. Но она никак не могла решиться на побег, ведь это значило бросить двух доверчиво прилипших к ней малышей. Наконец их остановили и начали загонять в большие грузовики с брезентовыми бортами. Солдаты безжалостно расстреливали в упор тех, кто не мог сам подняться. Хрупкая девушка покачнулась и, не выдержав веса ребенка, рухнула прямо лицом в грязь у колес. Под дружный гогот солдат один из рядовых перевернул затвор, остальные подбадривали его:

- Давай, Вальтер, застрели русскую дуру с ее щенками.

Молоденький, лет восемнадцати солдат, по виду совсем новобранец, неуверенно топтался, медленно поднимая автомат. Чья-то крепкая рука схватила Ольгу за воротник, потянула вверх, чтобы она смогла перевалиться через борт машины. Пуля, выпущенная Вальтером, ободрала кожу на виске, прошла мимо и оставила прореху в брезенте. Внутри машины Оля прижала мальчиков к себе, рухнула в свободный угол, выплевывая изо рта дорожную грязь. Но тихий женский голос ее остановил:

- Не утирайся, девонька, ходи лучше чумазой, чтобы фрицы не снасильничали.

Борт с грохотом захлопнулся, машина резво поехала по ямам и буграм лесной дороги. Ольга спросила в темноту:

- Куда нас везут?
- Не знаем, согноли всех и в чем были погнали. Даже детишек не пожалели, – ответили ей из темноты.

Ей ничего видно не было, но, судя по тесноте, в кузове расположились несколько десятков женщин с детьми. Пленницы все еще опасались разговаривать, обмениваясь короткими фразами, стараясь угадать направление движения по тем ориентирам, что были видны в пулевое отверстие в брезенте. Во время первой же остановки разговоры и вовсе затихли. Опять снаружи раздались крики и выстрелы, брезент распахнулся, и в толпу упала новая жертва с разбитым в кровь лицом. Женщины потеснились, давая ей возможность сесть. Но пленниц становилось все больше и больше. Люди в машине стояли, тесно прижавшись друг к другу, а немецкая охрана прикладами и пинками отправляла в кузов еще партии людей. Ребра хрустели от натиска общей массы тел, Оля с хрипом хватала ртом воздух, пытаясь хоть как-то вдохнуть. Машина снова тронулась, набирая скорость. В голове у девушки все плыло, в глазах были огненные круги, но она не выпускала ни на секунду детскую ладошку, а второго ребенка прижимала к плечу.

– Вы откуда прибыли? – Голос у спрашивающей был сдавленным до хрипа.

Ей ответил такой же еле слышный, задавленный теснотой полустон-полухрип:

– С Озаричей мы, Домановичский район.

Ольга из последних сил потянулась вверх всем телом, дернулась в попытке глотнуть воздуха и потеряла сознание, так и оставшись стоять, зажата столбиком между людьми.

Глава 2

Черное поле засыпало снегом, колючий ветер пробирался и холодил даже через толщу ватной куртки. Но они стояли у своих «тридцатьчетверок», вытянувшись в струнку, внимательно слушая каждое слово человека с генеральскими погонами. Зычный голос командующего 1-й танковой армии, генерала Сапунова, разносился эхом по площадке, где торжественно выстроились почти сто боевых машин со своими экипажами. Танковая бригада, три батальона отважных танкистов на маневренных бронированных машинах. Советские танки «Т-34», ставшие кошмаром для армии Гитлера. Еще в начале войны фашисты даже не знали названия нового среднего танка СССР, презрительно поглядывали на легкие железные коробочки, что с удивительной ловкостью лавировали по полю, пересеченной местности и даже в лесном массиве. Но когда во время ожесточенного сопротивления Красной армии выяснилось, что почти никакой противотанковый арсенал не пробивает броню нового изобретения «Иванов», вот тогда им пришлось заучить название машины «Т-34», которая с каждым боем обрастала все большим количеством легенд.

Главкомандующий Рабоче-крестьянской Красной армии Иосиф Сталин во время представления в Кремле нового гусеничного оружия недаром назвал его «ласточкой наших бронетанковых сил». Простой в ремонте в полевых условиях, с мощной пушкой, работающий на доступном дизельном топливе танк под управлением отважных экипажей творил во время сражений чудеса. Поэтому несколько заводов в Нижнем Новгороде, Челябинске, Омске и Нижнем Тагиле работали несколько лет на полную мощность, отправляя эшелоны с сотнями новых «Т-34» на фронт.

Алексей Соколов, который с первого дня войны стал командиром легендарного «Т-34», сейчас при звуках генеральского голоса чувствовал радостный озноб. Он был горд, как и каждый в этом строю, стать частью 1-й танковой армии Белорусского фронта. Более того, он гордился тем, что его и экипаж откомандировали в героическую 1-ю гвардейскую танковую бригаду. А еще отметили за их последнюю вылазку в тыл фашистов невероятной честью: сегодня во время строевого смотра пулеметчик-радист экипажа, с которым Соколов сражается против врага бок о бок в одном танке практически с первого дня войны, младший сержант Омаев держит в руках боевое знамя.

– Танкисты! С сегодняшнего дня вам предстоит сражаться за Родину под командованием гвардии полковника Тенселя. Герой Советского Союза, отважный полководец, герой. Вы становитесь частью мощной силы – армии легендарных советских танков! Ваш командир поведет вас к победе над проклятыми захватчиками нашей страны!

Вперед шагнул крупный мужчина в светлой папахе и шинели, темноволосый, с пышными усами на округлом лице. Полковник Тенсель Борис Абрамович снял головной убор, обнажив кудри с густой проседью, тяжело опустился на одно колено перед знаменем, задубевшим от крови погибших рядовых и офицеров, и прижал его край к губам. Командир поднялся на ноги, обвел строй пытливым взглядом, его теплые карие глаза словно заглянули в душу каждому танкисту на импровизированном плацу.

– Бойцы, танкисты! Немцы убили всю мою семью! Я знаю, что у каждого из вас есть такой же тяжелый груз на душе. Я клянусь, что мы разобьем армию Гитлера, прогоним с нашей земли и отомстим за смерть каждого советского человека. Клянусь, что приведу 1-ю танковую ударную бригаду в Берлин!

Его речь, словно пламя, зажгла внутри людей надежду и укрепила веру, что они одержат победу в кровопролитной войне! Ответом комбригу был радостный крик тысячи голосов, что поддержали его русским мощным: «Ура! За Родину!»

* * *

В натопленной землянке опорного пункта Руслан Омаев, захлебываясь от гордости, пересказывал в который раз, как полковник давал клятву на знамени, что было в руках у молодого ефрейтора. Вокруг гудели взбудораженные танкисты, хоть и видели они все своими глазами, но до сих пор были потрясены до глубины души поступком комбрига.

– И чего ты, испугався, шо тебе сейчас командыр по шапке даст при хенерале? – спрашивал чеченца коренастый парнишка с забавным украинским говором.

– Не по шапке, подумал, может, форма у меня не в порядке или знамя косо держу. Что сейчас командир замечание сделает при всей бригаде, – сморщился Руслан от закипающей обиды.

Парень, выросший в горах Кавказа, был горяч и бурно реагировал даже на безобидные шутки.

– А он раз и на ноху припав, у mine аж рот открывси, – не унимался парнишка.

Он до сих пор был в своих воспоминаниях там, на поле, среди выстроившихся танков, замерших в торжественную минуту экипажей. Где над белым, засыпанным свежим снегом полем развевалось алое знамя с отметинами от пуль и следами пролитой крови бойцов Красной армии – символ их воинской доблести и отваги. Наводчик экипажа лейтенанта Соколова, высокий и могучий сибиряк Василий Иванович Логунов поддержал разговор:

– Усы у полковника знатные и взгляд орлиный, ну вылитый Буденный. Я его в Москве видел, он после финской в награждении участвовал. Сегодня нашего комбрига увидел и сразу Семена Михайловича вспомнил, такой же орел! – Он повернулся к водителю их танка, пожилому мужчине, сержанту Бабенко, который после недавнего ранения был в тугом корсете из бинтов. – Сема, а тебе как наш комбриг глянулся, скажи же, бравый вояка?

Но сержант даже не услышал его вопроса, до того ушел в свои мысли. Семен Михайлович вздрогнул, когда боевой товарищ легонько хлопнул его по плечу:

– Ты чего загрузил, Семен? Ребра ломит? Так давай прими лекарство, у меня стекляшка, полная спирта, берег как раз, если занеможится кто. Сразу как рукой снимет боль. И спать завалишься, пока в наступление не отправили, – предложил Логунов.

– Да нет, это я так. Душевные терзания, – сказал смущенно Бабенко и махнул ладонью.

Среди бравых танкистов, крепких бойцов, пожилой водитель «Т-34» выделялся мягкими, интеллигентными манерами, спокойным нравом. Экипаж любил его не только за виртуозное управление «тридцатьчетверкой», все-таки Бабенко всю жизнь проработал испытателем на Харьковском станкостроительном заводе и чувствовал машину нутром, но и за отеческую заботу об остальных членах их боевого экипажа. Воевали танкисты бок о бок в тесном «Т-34» почти с самого начала войны, прикипели друг к другу душой. Особенно Семен Михайлович, который так и не обзавелся семьей за долгую жизнь, внимательно следил за тем, чтобы доставался и котелок с горячей кашей, и местечко под сухим брезентом младшим членам экипажа: наводчику Николаю Бочкину и радисту Руслану Омаеву. По званию старший лейтенант Алексей Соколов был, конечно, старше мехвода, но из-за разницы в возрасте Семен Михайлович опекал и своего командира, так как знал, что тот, часто увлекшись размышлениями над картами местности, мог забыть о еде и отдыхе. Вот и сейчас Алексей оторвал затуманенный взгляд от топографической карты:

– Семен Михайлович, может быть, все-таки в госпиталь? Врач ведь сказал – вам надо пару недель, чтобы восстановиться. Вид у вас действительно не боевой.

– Да полегчает. – Бабенко тяжело вздохнул.

– Или вы из-за Зверобоя переживаете? Я тоже вот смотрю, в какую сторону начнется наступление, всего сто двадцать километров до места, где мы его сохранили. Не переживайте,

до конца месяца отобьем назад наш танк, ремонтники его подлатают, и снова в строй встанем. А пока будем ездить на новой машине, завтра эшелон прибывает прямиком с завода.

Любимую машину под номером 007, танк «Т-34», на котором они прошли много километров и выдержали десятки атак германских войск, пришлось оставить во время последней операции в тайном укрытии на территории, оккупированной немцами. Все члены экипажа переживали из-за потери машины. Танк, которому дали имя Зверобой – в честь любимого литературного героя Коли Бочкина, поклонника книг Фенимора Купера, – стал для них полноправным боевым товарищем. Зверобой был их домом и надежным укрытием от вражеских снарядов. И решение оставить танк в холодном окопе, замаскировав брезентом и ветками, далось командиру нелегко. Но для спасения тысяч людских жизней пришлось им на время распрощаться с верной «тридцатьчетверкой». И теперь танкисты рвались на передовую, как можно быстрее в бой, чтобы отвоевать обратно своего бронированного товарища.

– Из-за танка тоже. – Семен Михайлович не знал, как начать разговор. Но и носить в себе мучительную тайну не было сил, да и без разрешения командира не решить ему свою проблему. – Я еще из-за женщины одной расстроен.

Бедного сержанта словно кипятком окатило от смущения, ему казалось, что все разговоры в землянке затихли от его признания. Он заговорил быстро, стараясь не показать, насколько смущен:

– Перед тем как мы получили задание и отправились за линию фронта, я познакомился со служащей из банно-прачечного отряда Нелей, певицей, и передал ей через нашего Николая письмо. Не просто письмо... с предложением руки и сердца. И она ответила, что согласна, через Колю передала. А сейчас мы получили распределение в новую бригаду, и получается, будто я обманул бедную женщину, пропал – и с концами. А наше расположение всего километрах в двадцати до деревни, где штаб расквартирован. Вот мучаюсь, увидеться бы с ней и выполнить обещание.

– Но, Семен Михайлович, так ведь загсы не работают, – удивился Соколов. – Война все-таки, не до того.

– Да, конечно, вы правы, Алексей Иванович, я даже не подумал об этом, – поник Бабенко и снова с тоской уставился на языки огня, лизавшие поленья в походной печурке.

Брезентовый полог, служивший защитой от ветров и холода, откинулся. Показалось курносое лицо.

– Здравия желаю, товарищи танкисты! Кто тут из экипажа старшего лейтенанта Соколова? К командиру бригады вызывают, – сказал ординарец и тут же шагнул внутрь, протянул озябшие руки к огню. – Ух, озяб, мороз крепчает. – Давайте собирайтесь, я провожу к его окопу да побегу дальше ротных собирать на совещание.

Танкисты захлопотали, поправляя ремни, воротнички, проверяя, не разлохматились ли волосы. Перед новым командиром хотелось им выглядеть опрятными, как и велит бойцам воинский устав. Тем более прибыли они в распоряжение батальона сегодня утром, на попутке, без боевой машины. Не хочется произвести впечатление никудышных танкистов, которые мало того что без танка остались, так еще и за собой не следят.

Гуськом, следом за ординарцем, экипаж ступил в ход между траншеями, потом поднялся наверх. Чтобы при бомбардировке снаряд не уничтожил всех бойцов одним ударом, временные жилища окопали по всем правилам, на расстоянии двадцать метров друг от друга, соединив неглубокими траншеями для сообщения и протяжки кабеля до места расположения командира. Рядом с его землянкой оборудовали радиоузел.

В синеватом сумраке ночи звезды тускло освещали белое поле, танки и полевые позиции не были видны под маскировочными сетками. С тяжелым гудением над полем завис «Хеншель-126», немецкий самолет-разведчик.

– Вот фриц поганый, – выругался ординарец и, пригнувшись, побежал к следующему укрытию в земле. Внизу дождался танкистов и сплюнул в сторону разведчика люфтваффе. – Так и липнет, значит, бомбами скоро обсыпят или из пушек начнут палить немцы. Чуют свою смерть, мечутся. Эх, только бы городок наш не заметил.

Ветерок донес аромат махорки, наверху мелькнул огонек козьей ножки, и ординарец рывкнул в темноту:

– Ну-ка, кто там с махрой балуется, светомаскировку нарушает?! Не видишь, надоедливый «костыль» над головой мотается. Марш в траншею, или сейчас на гауптвахту напрямиком зашагаешь, накуришься там вдоволь.

От сурового тона помощника комбрига нарушитель закашлялся и мгновенно погасил самокрутку. Грозный ординарец затопал мягкими валенками по вырубленным ступенькам вниз, где из бревен в накат было сооружено временное пристанище для опорного пункта командования танковой бригады.

– Товарищ полковник, по вашему приказанию экипаж танка ноль-ноль-семь прибыл, командир отделения старший лейтенант Соколов!

– Давай-ка, Соколов, заходите, поближе подходите к свету. Хочу рассмотреть героев. – Полковник поднес свечку почти к лицам танкистов, осветил прибывших. Расплылся в улыбке при виде знакомого лица. – И знаменосец мой тут. Давайте представляйтесь как положено, звание, кто есть кто!

– Старшина Логунов! – гаркнул во весь голос силач Логунов, из-за высокого роста ему приходилось стоять с опущенной головой в низком жилище.

– Ефрейтор Бочкин, – вслед за ним отрапортовал и Николай, который был Логунову не только боевым товарищем по танку, земляком из сибирской деревни под Омском, но и названным сыном. Поэтому он всегда тотчас же норовил повторить все за приемным отцом.

– Младший сержант Омаев, – лихо вскинул руку к пилотке Руслан, польщенный личным вниманием командира танковой бригады.

– Сержант Бабенко. – Голос водителя звучал совсем тихо, после пробежки и прыжков каждое усилие вызывало у него мучительную боль в отбитых немцами боках.

– Ну что ж, экипаж «Т-34» под командованием старшего лейтенанта Соколова, – голос комбрига вдруг зазвучал торжественно, – за проявленную доблесть во время военной операции, за выполнение воинского долга вы награждаетесь медалью «За отвагу»!

Тенсель вытащил из чемоданчика, лежащего на суконном одеяле, пять светлых кругов на серых лентах, лично приколот каждому на грудь и пожал руку.

– Молодцы, ребята! Благодаря таким отважным бойцам, как вы, мы гоним с нашей земли проклятого Гитлера! Рад, что будете служить в моей бригаде.

Растерявшись от неожиданной награды, они топтались, переглядываясь друг с другом, но Тенсель уже посуровел, сдвинул густые брови.

– Соколов остается на совещание командиров роты. Для вас, товарищ Логунов, новый приказ. С экипажем сейчас к полигону, там у самого края стоит «КВ» с номером сорок три. У него после обстрела пушку заклинило, как тягач его будем использовать, если кто в грязи застрянет. Но это позже. Сейчас возьмете на борт пять парней покрепче и двигайтесь на север километров пять-семь как можно быстрее. Разведка воздушная прошла, жди теперь «Юнкерсы». Ваша задача – доставить отряд на открытую местность, квадрат А-28 подойдет. – Полковник поднес свечу к карте. – Уходите как можно дальше от полигона, на данной местности обустройте несколько костров, также оборудуйте огневую точку для пулемета с трассерами. Надо приманить немецкие воздушные силы на ложные наземные цели, отвлечь от замаскированного полигона. Задача ясна? Постреляйте, пошумите, но сами из укрытия не высывайтесь. Ни один из личного состава не должен погибнуть, понял, старшина?

– Так точно, товарищ полковник, есть организовать выезд отряда прикрития!

– Выполняйте! Ординарца моего возьмите, Тимофеева, он вам покажет, где ребята помоложе, успел уже с личным составом познакомиться.

Абрам Матвеевич кивнул командиру танкового отделения, и танкисты отправились к выходу. Наверху уже раздавался топот ног, ординарец собрал ротных командиров на совещание в землянке командира бригады.

Выйдя из землянки, Логунов, всегда собранный и спокойный, приказал:

– Семен, ты обратно в укрытие. И не возражай, рычаги у «КВ» тягать тебе сейчас не под силу. Танк сейчас, считай, как трактор будет служить, так что ты остаешься в лагере. Омаев с Тимофеевым – на сбор отряда. Руслан, захвати трассеры, топоры, бензин для розжига. И если найдешь, то захвати ракетницу. Света от нее много, пригодится. Николай со мной, заводить «КВ». Скорее всего, он промерз от холода, надо кипятка набрать в нашей землянке, прогнать по системе. Вперед, ребята, через полчаса выдвигаемся.

Темные фигуры разошлись в разные стороны окопных ходов выполнять каждый свою часть работы.

В землянке стало тесно от множества людей, которые заполнили все пространство. Но Тенсель с радостью смотрел на офицерский состав танковой бригады – уже скоро он поведет их в бой и покажет немцам всю мощь русских танков. Опытные и совсем еще юные командиры подразделений, всего два батальона из 65 машин «Т-34», в каждом по три роты. Восемь боевых офицеров, с которыми он уже воевал, а кого-то увидел впервые.

– Товарищи офицеры, сейчас ознакомлю с приказом командования. После совещания командиры батальонов и рот ознакомятся со сформированным списочным составом подразделений. Перед нами поставлена задача: действуя в передовом отряде армии, прорвать оборону противника в северо-западном направлении. Линия Белорусского фронта сейчас в 20 километрах от железнодорожного полотна. Нам предстоит сбить заслоны противника и занять три важных плацдарма, чтобы обеспечить дальнейшее продвижение Красной армии.

Соколов, внешне невозмутимый, про себя ликовал. Наступление пройдет в направлении реки Сож, возле которой они оставили в огромном аппареле верного Зверобоя. Они смогут освободить своего друга и вернуть его к жизни. Поскорее бы в наступление!

* * *

Тем временем его экипаж уже мчался на заведенном «КВ» по окраине лесного массива. В танке Василий Иванович ловко двигал рычагами, пока Бочкин, высунувшись из люка, смотрел, чтобы машина не сбилась с маршрута. Смотреть приходилось во все глаза, включать фары было запрещено для соблюдения режима светомаскировки. Тяжелый танк то и дело продавливал хрупкий наст, ныряя в темноте носом в ямки, которые были не видны среди сугробов.

Омаев с уважением посматривал на приятеля, который превосходно разобрался в карте – провел машину точно по краю поля, вывел на лесную дорогу, а теперь сосредоточенно высматривает поворот к нужному квадрату. Сам же он придерживал на броне тяжелый пулемет и булькающую канистру с бензином. Рядом, на теплом от работы двигателя брезенте, примостились несколько человек, которых вызвал Тимофеев для выполнения задания комбрига.

– Это командир ваш? Молодой такой. – Сосед справа попытался завязать разговор с Русланом. – Наш вот опытный, Афанасьев, всему научил меня, а то я раньше трактор водил, а тут танк. Только дерется больно: чуть что не так, подзатыльник отвешивает, а где и сапогом наподдаст сверху. Но по делу все, справедливый. Да и я уже прилачился, с закрытыми глазами по полю могу проехать.

– Зачем с закрытыми? – удивился чеченец. Лица своего случайного собеседника он не видел, но по голосу определил, что тот совсем еще молодой, лет двадцать, чуть младше самого Руслана.

– Да не мог я раньше смотреть, как танк веду прямо гусеницами по мертвым. Вот и закрывал, а он меня за это и сапогом по шее да по спине, – бесхитростно сказал парнишка.

Они оба замолчали, каждый навиделся смерти и своих солдат, и чужих, постепенно привыкая сдерживать крик и гнев от такого зрелища. Ужасы войны, близкая смерть во всем ее уродстве стали ежедневной рутинной. Для того чтобы люди не сошли с ума, приходилось молодым людям загонять глубоко внутрь бурю эмоций.

«КВ» остановился, и Руслан прошептал Коле, не дожидаясь появления Логунова:

– Пойдем обойдем поле, надо наметить несколько огневых позиций. Будем давать очередь и перетаскивать пулемет как можно быстрее, чтоб сбить самолеты с толку.

Бочкин охотно подставил плечо под тяжелые станины, и парни бодро зашагали по сугробам, выглядывая ямку или овражек, где можно будет укрыться. Остальные отправились с топорами сооружать костры, чтобы запалить их как можно быстрее. Наверху небо уже наполнялось характерным гудением от шума летящих штурмовиков с прикрепленными под брюхом авиабомбами. Василий Иванович протиснул надсадно воющий танк прямо между кольцом из елей, изрядно ободрав деревьям бока. Но времени на поиск укрытия для танка получше уже нет, «Юнкерсы» быстро приближаются. Логунов со всех ног бросился бежать по следам парней, огибая полянку.

Вдруг из черной пелены показалась черная тень самолета, взвыли сирены. «Сейчас бомбанет, не успел я. Подвел командира», – мелькнуло в голове у Василия. Жуткий вой нарастал с каждой секундой, специальная сирена в виде винта на левой стойке самолета начинала жутко стонать при увеличении скорости, чтобы летчик мог узнать по высоте звука скорость пикировки. Это знал и Бочкин, который с ужасом выкрикнул, глядя на кружащийся в воздухе «Юнкерс»: «Там, дядь Вася!» Одним движением он выдернул из-за ремня сигнальную ракетницу у Руслана и послал вверх трассер с длинным ярким хвостом. Ракета прочертила плавную дугу по левому флангу зависшего «Юнкерса», вспыхнув прямо под крылом. Немецкий летчик сразу среагировал, снова набрал высоту и направил самолет к месту, откуда был выстрел. Он свалился на крыло и круто бросился вниз по ложному ориентиру.

– Бежим! – Руслан с пулеметом на плече потащил Кольку как можно дальше, к черному пролому в сотне метров от них.

Это их спасение, на таком расстоянии будет лишь легкая контузия и их не настигнет осколочное пекло. От самолета отделились два черных кружка и начали стремительно падать, а бомбардировщик, выходя из пике, стал набирать высоту.

Бочкин и Омаев только добежали до крутого оврага под стон сирены, как грохнул страшный взрыв. Вверх поднялась волна земли вперемешку со снегом. Ударной волной парней ударило по ногам так, что они кубарем скатились по плотному снегу, словно с горки, машинально упираясь ногами, чтобы замедлить падение. От жутких ударов вздрагивала земля, бомба пробуравила ее на несколько метров в глубину, оставляя огромные обугленные края, осыпая осколками все живое вокруг в радиусе километра. «Юнкерс Ю-87», «штука», сбросив смертельный груз, ушел за пелену облаков. Молодые танкисты с трудом поднялись, откашливаясь и выплевывая снег, набившийся в глаза, нос и рот. Дыхание сорвалось до хрипа от смрада сгоревшей начинки бомбы, внутренности вибрировали, тело горело огнем, будто после драки.

Логунов с трудом открыл глаза, в ушах звенело после взрыва, весь мир вокруг качался, то и дело ускользая из-под ног. Он попытался встать, но никак не мог совладать с разбегающимися конечностями. Но это было полбеды, плохо было то, что он провалил операцию, подставил Кольку с Русланом! Кто-то из них выстрелил из ракетницы, чтобы отвлечь пилота бомбардировщика от танка, и тот направил бомбы прямо в мальчишек. Коля с Русланом приняли удар на себя. Ему хотелось завывать от отчаяния.

Небо снова глухо зашумело, воздух завибрировал – новые «Юнкерсы» несли следующие бомбы. В висках заныло от тягучего тоскливого свиста пикировщиков. Но тут вспых-

нула и за клубилась черным дымом полоса в лесном массиве, куда отправились остальные члены отряда, согласно приказу командира отряда. Танкисты облили бензином и подожгли кучу сырого валежника. Мерзлые ветки еле тлели, исходя больше удушливыми клубами дыма с оранжевыми проблесками пламени, но этого хватило. Привлеченные светом огня «Юнкерсы» ушли от полянки и начали кружить над новой целью, то и дело исчезая в черном слое облаков, чтобы набрать высоту перед пикированием. Сейчас будет новый удар, и опять земля заходит ходуном.

От ярости Логунов позабыл про осторожность и задание полковника Тенселя. Шатаясь, он бросился бежать назад к «КВ». Он должен отомстить за своих ребят, заставить молчаливый танк стрелять! Внутри машины башнер на ощупь нашел бронейбойный снаряд в боезапасе, загнал его в казенник и прижался лицом к нарамнику прицела. Вот начал нарастать жуткий вой, самолет стал делать вертикальный спуск для сброса бомбы. Василий навел прицел на черный столб дыма, над которым снижалась немецкая «штука», интуитивно нашел нужную высоту, задрав танковую пушку максимально высоко, и нажал спуск. Пушка сработала. Выстрел! Танковый снаряд попал точно в брюхо снижающегося бомбардировщика, отчего тот вспыхнул огромным огненным шаром, разлетелся в стороны черно-оранжевыми осколками и с воем рухнул, накрыв собой маленькое костровище.

Второй «Ю-87» чиркнул крылом по верхушкам сосен и ушел вверх, выйдя из пике. «Сейчас вернется к поляне искать, откуда был выстрел», – догадался Василий. Он лихорадочно крутил ручки настройки прицела, пытаясь по гулу угадать, где сейчас из черного слоя туч появится вражеский самолет. Вдруг темноту над противоположной стороной поля разорвала оранжевая светящаяся линия, со стрекотом заговорил пулемет, выпустив длинную очередь из трассеров.

«Живы! Они живы, снова немца отвлекают!» – заликовал Логунов, еще теснее прижавшись к приборам видения. Он определил в темноте точку прицела в небе, полагаясь больше на слух, чем на зрение, и снова выстрелил. Мимо! Звук двигателя стал затихать, «Юнкерс» уходил все дальше от места сражения. И снова жуткий стонущий вой. Пике перед сбросом бомбы! Была не была! Василий зарядил фугас и прицелился в пустоту, в черные облака, за которыми прибывал тоскливый стон, переходивший в жуткий рев. «Штука» стремительно неслась вниз перед бомбардировкой. В открытый люк ворвался рев сирены. Выстрел! Вой внезапно захлебнулся, перешел в пронзительный свист с хлопками. Бомбардировщик с изломанным крылом, которое по касательной срезал снаряд «КВ», закрутился вокруг своей оси, прочертил в небе кривую черную полосу и рухнул носом вниз, в ели, на расстоянии пары сотен метров от танка. Бомба на брюхе «Ю-87» ухнула, взлетела вверх оранжевым кольцом пламени, опалила и раскрошила деревья вокруг. От взрыва танк загудел, завибрировал так, что Василию показалось, будто его с размаху ударили с двух сторон по голове, а зарево пожара окатило его, будто кипятком, по плечам и спине. Казалось, бомба упала прямо на него своими сотнями килограммов взрывчатки, вдавив в железное днище танка. Ребра стиснуло так, что он не мог даже сделать вдох. Оглушенный от боли Логунов со стоном упал на днище танка и потерял сознание.

Очнулся Василий от ощущения холода, кто-то елозил по лицу снегом и повторял как заведенный:

– Дядь Вась, ну очнись, ну давай. Дядь Вася.

Второй с раздражением прикрикнул:

– Да не тряси ты его, Колька, при контузии нельзя шевелить. Давай лапы руби, надо волокушу делать. И так еле вытащили из танка.

– Отставить ругань, – прохрипел командир отряда.

– Живой! – Бочкин со всей силы обхватил Логунова за плечи.

Командир стряхнул пасынка с себя – не время для чувств. В голове гудело, перед глазами стояла пелена, казалось, что мир вокруг завешан черной вуалью. Он с трудом повернул голову:

танк на месте, парни из его отряда замерли с канистрой, Колька и Руслан – с пулеметом. Все ждут приказа командира.

– Будем продолжать приманивать «Юнкеры».

Логунов тяжело поднялся, земля уходила из-под ног, так что пришлось навалиться на плечо Бочкина. Нельзя проявлять слабость, и так чуть не сгубил этих отчаянных парнишек. Надо исправлять ошибки и готовиться к следующему налету. Он с трудом разлепил губы, чтобы отдать приказ:

– Снимайте сейчас портянки, смачивайте бензином и рассредоточивайтесь по квадратам. Двое, квадрат три, уходят к лесной полосе по южному краю. Еще пара, квадрат два, на противоположную сторону поля. Омаев и вот ты. – Он ткнул пальцем в круглолицего парнишку.

– Рядовой Забельский, – отозвался тот, и Руслан опознал по голосу своего собеседника, что жаловался на строгого командира.

– Омаев и Забельский, квадрат один, на огневую точку у края оврага. Показывается немецкий самолет – по очереди запаливаете фитили и костровища. Сначала работает пулемет с трассерами, потом квадрат второй и далее третий дают световой ориентир для вражеского самолета. Как только обозначили для бомбардировщика цель, сразу покидаете место и ныряете в укрытие. Радиус покрытия осколками до двухсот метров, уходите на это расстояние, чтобы вас не посекло. После того как отработали боевую задачу, смещаетесь на километр южнее относительно леса. И снова по схеме – первый квадрат шлет трассер для имитации цели, после сброса бомбы второй поджигает ложный ориентир, и так далее. Понятно?

– Так точно, – протянул хор голосов.

– Выполняйте. Действуем самостоятельно, не геройствуем. Наша задача – отвлечь противника.

Бочкин дождался, когда бойцы разойдутся каждый в свою сторону, и спросил:

– А мне что делать?

– А мы с тобой, Николай, будем сбивать самолеты. В «КВ» пушка заклинила, а теперь стреляет. В пике летчик не видит, откуда произведен выстрел, поэтому нас не обнаружит, а мы ему уйти обратно за линию фронта не дадим. Только танк брезентом прикрой. И ты наводишь будешь по моим целеуказаниям. У меня глаза еще не заработали после ударной волны.

Только пасынку Логунов смог признаться, что после легкой контузии он не в силах навести прицел пушки. Руки мелко дрожали, а картинка перед глазами расплывалась, все предметы превратились в черные мутные силуэты. Такое состояние может продлиться минуты, а может и дни. Только выполнить задание комбрига надо во что бы то ни стало, так велит устав, так велит долг военного.

Командир с трудом захромал в сторону застывшего танка, состояние у него было отвратительное. Бочкин сейчас лучше него справится на посту наводчика. Сейчас стрелок из него не самый меткий.

Колька шел рядом, рассказывая, как они с Русланом улетели от взрыва в овраг.

– А потом «КВ» выстрелил, и я кричу: «Руслану, стреляй! Давай трассер, а то «Юнкерс» бомбу прямо на танк скинет». И он дал! И мы бегом по дну оврага подальше. А он завыл и за деревья завалился, подбил ты два самолета, дядь Вася. Орден за такое дают!

«Ты живой – вот мой главный орден», – усмехнулся про себя Василий Иванович. Еще в самом начале войны, когда он попал с Бочкиным в один танк, опытный командир дал себе зарок, что вернет парнишку домой живым. С его матерью, Любой, Василий встречался перед тем, как началась война и была объявлена мобилизация. Поэтому не просто привык командир к своему заряжающему, а считал его практически родным сыном, оберегая от ходившей всегда неподалеку смерти.

А Колька, радостный от новости, что Василий Иванович не погиб от удара бомбы, трещал без умолка:

– Еще прилетят «Юнкерсы»? Как так получилось-то их подбить, темно же, ничего не видно? Ух, я там в овраге уже думал все, не выбраться нам отсюда.

– По звуку будем ориентироваться и бить вслепую над тем квадратом, который загорится по счету, – объяснил Василий. – Куда-нибудь да попадешь, самолет большой, а любая поломка в воздухе сразу весь летательный аппарат на землю отправит.

Они еще три часа почти до самого рассвета ждали «штуки» со смертельным грузом, но «Юнкерсы» так больше и не решились на новый полет. Несколько часов Логунов провел над люком с биноклем, высматривая в небе черные тени, прислушиваясь к звукам наверху. Внизу Бочкин крутил ручки наводки, засыпая башнера вопросами. Ему очень хотелось тоже сбить самолет, поэтому тренировался парень с азартом, рассчитывая градусы и повороты дула по прицельной сетке.

Когда на востоке посветлел горизонт, Логунов отдал команду подчиненному:

– Собирай ребят обратно, можно возвращаться в ОП. По такому небу они не полетят, побоятся наших зенитчиков.

* * *

Соколов до рассвета не мог найти себе места. Он то и дело выходил из землянки, прислушивался к звукам выстрелов и взрывов севернее танкового полигона, переживал, как справится с заданием Логунов. Чтобы отвлечься, старший лейтенант рассматривал список своей роты, вспоминая вчерашнее знакомство с танкистами и командиром батальона, куда его зачислили вместе с экипажем. Командир батальона, капитан Лавров, совсем еще молодой, чуть за тридцать лет. Легкая щетина, взгляд с прищуром, проворные движения. Он сразу деловито распорядился:

– Товарищ старший лейтенант, вам в роту отрядили самые лучшие экипажи, наш батальон будет передовым отрядом во время прорыва, а ваше отделение – штурмовым. Задачу и общий план наступления комбриг обозначил, жду от вас завтра схему маневров ударной группы. Ваша цель – железнодорожный узел, там множество инженерных сооружений: перегон и товарная подстанция. Утром укомплектуйте роту машинами, боезапасом. Утром же придет разведка с информацией о немецких укреплениях в линии обороны. Днем жду вас с докладом, обсудим намеченный план. Через сутки идем в наступление.

– Есть, товарищ командир. – Соколов сразу представил себе в голове карту местности, которую изучал последние сутки.

А Лавров совсем не по-военному, доверительным тоном вдруг пояснил:

– Там важная ветка, надо ее сохранить, она связывает с половиной Белоруссии. Подумайте, товарищ Соколов, как нам аккуратно захватить этот плацдарм. Я слышан, что вы хороший тактик, надеюсь, у вас появятся задумки.

– Я подумаю, товарищ капитан, спасибо за доверие. Если не возражаете, переговорю еще сам с разведротой, узнаю все, что требуется, из первых уст. Каждая мелочь важна.

– Конечно, – кивнул Лавров. – Действуйте.

И теперь Алексей мучился из-за того, что время тянулось очень долго. Побыстрее бы уже переговорить с разведкой, что переходила ночью линию фронта, получить технику и снаряды, распределить танковые отделения по позициям, объяснить боевые задачи. Чтобы отвлечься, он уже в который раз уселся рядом с самодельной печкой, от которой падал отсвет от огня, и принялся изучать карту местности. Вот квадрат, о котором говорил капитан Лавров. Небольшой железнодорожный переезд, даже название населенного пункта говорит само за себя – Глушняки, пара домишек и никаких заводов, лесопилок, даже школы нет. Буквально в десяти километрах большой колхоз «Коммунист» с ремонтными мастерскими, школой, больницей, где немцы разместили свои основные силы. Именно туда запланировал нанести основной удар

командир танковой бригады, направив батальон из «Т-34» с поддержкой стрелков и мототехники. А роте Соколова достался вот такой ничем не примечательный рубеж, но это лишь для неопытного глаза.

На карте черные параллельные линии железнодорожного полотна сходились со всех сторон возле этой глухой деревеньки на окраине района, сливались в самый сложный транспортный узел, на котором формировались составы для отправки. В отбойниках стояли товарные вагоны с боеприпасами, горючим, провиантом для немецкой армии. Если фашисты решат повредить железнодорожную развязку, то позже Красной армии придется туго. Помимо боев и линии фронта есть еще невидимая работа техников, ремонтников, медиков, связистов. Каждый день из тыла отправляются эшелоны с едой, медикаментами, теплой одеждой, оружием. Без поддержки миллионов мирных граждан, которые работают из последних сил для нужд фронта, для передовой, не было бы победного шествия советских бойцов. Поэтому наступление в районе Глушняков поручили отряду Соколова, именно от него ждали командиры батальона и бригады ведения хитрой тактики боя, чтобы в пылу сражения не были разрушены важные инженерные сооружения, не обескровлена железнодорожная артерия между тылом и передовой. И он крутил карту, мысленно раз за разом прорисовывая танковые маневры.

Когда затихли взрывы и выстрелы, Соколов наконец успокоился, подвинулся поближе к печке, подкинул дровишек и решил дожидаться возвращения Логунова с парнями, узнать, как прошла операция по отвлечению бомбардировщиков. Но от тепла и усталости глаза сами собой закрылись, голова опустилась на грудь, и Алексей задремал. Некоторое время спустя он проснулся от взволнованного голоса Бабенко. Тот неловко пытался натянуть ватник, но никак не попадал в рукав из-за тугой перевязки по всему телу.

– Алексей Иванович, проснитесь! Там наши вернулись! Не одни, летчика сбитого притащили.

Они успели как раз к появлению из землянки командира батальона. Лавров с влажными от утреннего умывания волосами и в накинутом на плечи полушубке выскочил на улицу, сощурился от сияющей белизны снега и бросился пожимать руки танкистам, измазанным гарью. На связке еловых лап двое бойцов тащили распластавшегося немецкого летчика. По земле за импровизированными санями тянулся кровавый след – пилот ««Юнкерса» был тяжело ранен. Но самое главное богатство – его планшет с картами – были целы и невредимы. Логунов бережно вытянул его из-за пазухи:

– Товарищ капитан, задание выполнено. Авианалет произошел, в ходе операции личный состав не пострадал. Из танка «КВ» подбиты две единицы немецкой летной техники, взят в плен немецкий летчик. Вот его документы. У танка «КВ» от ударной волны вышли из строя приборы управления, передвигаться на собственном ходу не удалось. Возле машины оставлен дежурный, рядовой Евсин. Командир отряда старшина Логунов!

– Ох, как же вовремя, Логунов, как же к месту эти карты, – потряс комбат тяжелым планшетом немца. И тут же строго уточнил: – Кто сбил самолеты из танковой пушки?

Логунов замялся, а порывистый Омаев выкрикнул из-за его спины:

– Это он, Василий Иванович, два самолета сбил!

– Ну, молодец, Василий Иванович, – снова крепко тряхнул руку старшины Лавров, ничуть не разозлившись на выходку младшего по званию. – Отдыхайте, товарищи. Спасибо вам, вы герои, настоящие герои!

С планшетом он заторопился обратно в землянку, Соколов чуть подождал и последовал за комбатом. В помещении уже сидел командир разведчиков, что ночью делали вылазку за линию фронта, готовя сведения для наступления. Лавров торопливо перелистывал немецкие карты:

– Товарищ старший лейтенант, срочно? – обратился он к Соколову. – Мне сейчас с летчиком разобраться надо. Вы магчасть получили?

– Мехводов отправил и командиров отделений, – кивнул Алексей. – Я, товарищ капитан, по другому вопросу. Знаю немецкий язык, могу переводчиком побыть при допросе. И на карты тоже хотел взглянуть, чтобы позиции на станции более точно запланировать.

– Отлично! Тащи, Соколов, сюда этого летуна, пока не кончился, сейчас вытрясу из него каждый метр вражеских укреплений!

С наступлением утра жизнь в танковом батальоне закипела. БТР с мехводами отправился к железнодорожной станции, чтобы получить новые танки, прибывшие с эшелонном. Отряд Логунова устроился на отдых в землянке, жарко натопив укрытие под землей. Соколов до самого обеда находился у комбата, переводя его вопросы немецкому штурману. Лавров с азартом отмечал каждый пункт с немецкой карты, сравнивая с той схемой, что доставила рота разведки:

– Спроси, спроси еще у него, здесь минные поля? Вот это, где отмечены черные кружки.

Алексей послушно переводил вопросы и ответы. Бегло на немецком он уже говорил в школе в Куйбышеве благодаря своей учительнице, которая была немкой, эмигрировавшей в СССР из Германии, где уже росла тоталитарная диктатура НСДАП (Национал-социалистической немецкой рабочей партии). Школьник Алешка подружился с Максом, сыном учительницы, и болтал с ним каждый день обо всем на свете. Потом в танковой школе к его разговорной речи добавились технические термины и военные понятия, так что теперь из-за правильной речи и поставленного выговора старшего лейтенанта даже сами немцы принимали его за своего.

– Так, ну все, ночью отправим саперов на разминирование, вот на эту высоту зенитчиков с «катюшей», – сказал капитан, довольный итогами допроса. Повернулся к Соколову и с задором ткнул его в плечо кулаком. – Знаешь, как они нашу зенитку называют?

– Не слышал, товарищ капитан.

– А ты спроси, знает ли он, что такое «сталинский орга`н»? – расхохотался Лавров.

Соколов перевел, и офицер в ужасе застонал – в армии Вермахта не понаслышке знали о знаменитом гвардейском миномете «БМ-13», от звука выстрелов которого фрицы даже сходили с ума. От его стога комбат снова зашелся в хохоте:

– Завтра сыграем для вас на «сталинском органе»! Можешь подпевать! – И тут же нахмурил брови: – А это что, вот здесь? На 118-м километре, где линия фронта проходит через лесной массив, на восточном берегу Днепра? Что за постройки или что это такое, не пойму... Минное поле, заграждения... Что это такое, Алексей, переведи!

От нового вопроса офицер побледнел еще сильнее, отвернулся в сторону и пробормотал:

– Это лагерь для местного населения.

– Какой еще лагерь, там болота, я же вижу: вокруг минное поле обозначено. Чего ты мне тут сказки рассказываешь!

Капитан близко наклонился к лицу раненого, от ярости у него выступили острые скулы, сжались челюсти.

– Что здесь такое, что еще за лагерь?

Хоть и спрашивал он на русском языке, немец его прекрасно понял. Опустил глаза и забормотал под нос. Алексей переводил его слова, а сам чувствовал, как по спине бежит от ужаса холодок.

– Это лагерь смерти, живой щит вермахта на границе линии фронта. Там нет построек, мирное население за колючей оградой под охраной автоматчиков. Старики, женщины и дети со всей Белоруссии. Их свезли на заболоченные площадки у поселков Дерть, Озарич и Подосинник. Специально устроили живую преграду на передовой, чтобы вы не могли атаковать. Если откроете огонь, то все минные поля вокруг территории, а вместе с ними люди взлетят вверх.

В землянке установилась жуткая давящая тишина. Кошмарная новость о незащищенных людях, которые стали живым заслоном для армии Гитлера, шокировала всех вокруг. Вдруг Лавров взревел и кинулся на пленного:

– Сдохните, звери, вы звери, проклятые уроды. Ненавижу вас!

Он несколько раз ударил кулаком в лицо летчика, так что во все стороны брызнула кровь, выхватил из кобуры личный «ТТ» и приставил кричащему военному ко лбу.

– Дмитрий Федорович, не надо, стойте! – Его руку перехватил разведчик, потащил разъяренного капитана из землянки. – Он нам еще пригодится, сведения нужны для наступления. Давайте на воздух, надо сделать перерыв!

Комбат послушно пошел за ним, не выпуская пистолет из ладони. Лицо его превратилось в каменную маску, искаженное горем и ненавистью. Обрато разведчик вернулся уже один, кивнул Соколову:

– Ты не пугайся, у нашего комбата всю семью в концлагерь угнали, родителей, жену, двоих детей. Не знает до сих пор, что с ними. Вот и не удержался... Давай этого в автомобиль, товарищ капитан его лично в штаб доставит. Поднимет всех на уши, надо как можно быстрее освобождать людей из этого лагеря на болоте.

Алексей в ответ лишь кивнул. Он помог дотащить раненого до машины и забросить внутрь, словно мешок картошки. Лавров, мрачный и задумчивый, вскочил на подножку ленд-лизовского «Виллиса» и рывкнул: «Трогай!» А Соколов вдруг повернулся к командиру разведроты:

– Товарищ старший лейтенант, как же так? Неужели мы ничего сделать не можем? Ведь там сейчас творится ад, на улице минусовая температура, а там живые люди на болоте, на голой земле, под дулом автоматов... У нас тут землянки, питание, оружие. А они ведь незащищенные совсем. Надо срочно атаковать!

– И взорвать все? Ты же слышал, поля вокруг заминированы. Ты не думай, наш комбат сейчас что-нибудь организует. Он такой, добьется своего. Освободим людей, какие бы подлости немцы нам ни устраивали!

В свою землянку Соколов шел, вздрагивая от ярости. Ему, как и Лаврову, хотелось срочно броситься, ударить, убить, отомстить за страдающих обычных людей. Только для этого надо пробиться через минные поля, вооруженные заслоны, ряды колючей проволоки. И чем быстрее они продумают и начнут наступление на переднем крае немецкой обороны, тем быстрее освободят пленных.

– Товарищ старший лейтенант, а мы вас ждем, хотели узнать, когда в наступление. – Из раздумий его вывело обращение поджарого смуглого парня.

Красная пелена ярости перед глазами исчезла, старший лейтенант узнал в военном с петлицами ефрейтора командира одного из своих отделений с необычной фамилией Христо.

– Да, давайте все в землянку: взводные, командиры отделений. Разбужу Василия Ивановича, и начнем совещание.

Он зашагал торопливо к своему временному жилищу. Внутри разгоралась досада на самого себя: вот так ротный командир, уже подчиненные бегают за ним и просят дать информацию о боевых действиях. Ничего не готово для наступления, а он теряет время даром, злясь на фашистов. Надо ненависть направить в работу и нанести такой удар, чтобы от обороны вермахта не осталось ни одной позиции!

В полутемном укрытии набилось больше десятка людей – взводные, командиры орудий, сонные после короткого отдыха члены командирского экипажа. Соколов подвинул керосиновую лампу поближе к карте, откашлялся. Волнительно – вот так держать речь перед опытными уже, бывальыми танкистами, как отрекомендовал их командир. С другой стороны, хорошо, что он перед ними выступает, может быть, они подскажут новые хитрости при ведении боя.

– Товарищи танкисты, нам поставлена боевая задача атаковать железнодорожный узел у деревни Глушняки, товарная станция магистрали Витебского направления. Там находятся очень важные инженерные сооружения, населения мирного немного, с десятков домов, но возможности для маневров сильно ограничены. Так как в этом месте сходятся множество главных, обходных и соединительных железнодорожных линий.

– Давай проще, командир, а то я в лагере вырос, в школе всего три класса отучился, в линиях не силен! – выкрикнул с заднего ряда смуглый Христо.

– А теперь живую лошадь на железного коня сменял! – не удержался, чтобы не сострить, кто-то в заднем ряду.

От шутки привычно грохнула рота танкистов, которые служили вместе уже больше года, и подшучивания над цыганским происхождением Якова Христо давно стали доброй традицией. Но новый командир веселого нрава не оценил, вдруг оглядел всех с тоской и объяснил:

– Товарищи, в лесу, отсюда в ста двадцати километрах, немцы организовали концентрационный лагерь для мирного населения. Лагерь смерти. Там на болоте на голой земле сейчас мучаются тысячи стариков, женщин, ребятишек. Когда мы освободим их, нам понадобится железная дорога, чтобы всех узников доставить в госпитали, привезти лекарства, еду. Поэтому этот железнодорожный узел так важен, там придется очень аккуратно вести обстрел, точно, чтобы не разрушить пути, стрелочные переводы, отстойники для вагонов.

Низкий мужичок с пшеничного цвета усами и таким же чубом покачал головой:

– Непростая задачка, танк – это не пистолет, чтобы пулями по немцам стрелять.

– Это верно, товарищ... – Алексей смутился, не запомнил всех сразу по фамилиям.

Но тот совсем не растерялся, наоборот, охотно подсказал:

– Старший сержант Рыжиков я, Алексей Николаевич, тезка.

– Да, Алексей Николаевич, вы правы, задача трудная, поэтому я согласую для нашей роты поддержку отрядом стрелков. Первая линия обороны у немцев противотанковая – мины. Ночью саперы расчищают проход, расставят вешки. А дальше начинаются наши маневры, вокруг станции немцы установили ежи с колючей проволокой. Дополнительно возведен забор с вышками для огневых пулеметных точек, он является второй линией обороны, отделяющей станцию от дороги.

– Видать, не зря, – протянул себе под нос круглолицый мужчина, взводный командир Семен Успенский, и кивнул ротному, извиняясь, что не удержался от замечания. Служил старшина давно, но до сих пор не мог избавиться от привычки проговаривать свои действия вслух и частенько, забывшись, бормотал под нос сам себе прямо в эфире во время сеанса связи между экипажами.

– По данным разведки, на станции сейчас на тупиковой ветке стоит состав с цистернами, немцы готовят к перегону топливо для поддержки сил обороны. Еще и поэтому стрелять надо осторожно, при необходимости и лишь по отдельным целям. В первой линии атаки взвод Рыжикова, остальные «Т-34» идут второй линией. После того как все немецкие укрепления будут уничтожены, двойками расходимся вдоль квадрата, заходим с флангов и окружаем противника. Огонь ведем пулеметный, пехота стреляет из скрывающихся огневых точек, я им намечил позиции на разных высотах вокруг станции.

– У нас пулеметчика нет, – вздохнул Яков. – В госпитале второй месяц валяется, жук.

Остальные тоже зашумели, обсуждая недокомплект танковых отделений.

– Товарищи, повторяю, что выстрелы только по намеченным ориентирам по моему приказу. До линии инженерных сооружений откроем огонь из пушек. Но больше для устрашения противника, в качестве психологической атаки. С помощью фугасных снарядов первый взвод ликвидирует огневые точки на крыше ремонтно-смотрового отсека для вагонов. А дальше работают пулеметчики, если таковые в экипаже отсутствуют, то его заменяют наводчик или башнер. Танковых соединений противника наша разведка не засекала в районе Глушняков.

Задача нашей роты – разрушить противотанковые укрепления, занять позицию, а один взвод должен укрепиться. После чего остальные экипажи возвращаются назад на пять километров и по развилке двигаются к колхозу «Коммунист» для слияния с основными силами гвардейской ТБР. Там будет нанесен основной удар по соединениям врага. Бой будет совместно с частями пехоты и артиллерии.

– А что разведка сообщила, какая техника у немцев на станции стоит, оружие? – уточнил Логунов.

– На подходах к станции бронетехники артиллерии нет, но мощь обороны немцев состоит во множестве огневых позиций, расположенных на высоте. Гнезда пулеметов, минометов находятся через каждые десять метров. Я сейчас покажу вам на карте позиции немцев. Территория будет распределена на сектора, и каждый экипаж возьмет на себя уничтожение конкретной позиции.

Танкисты зашумели, посыпали вопросами. Они сгрудились над картой, рассматривая подробный план Соколова. Он рассказывал, кивал, а сам чувствовал, как внутреннее напряжение его отпускает. Какие толковые взводные, боевые командиры танковых отделений, слаженные, четко, по-военному разобрались с планом и теперь старательно запоминали свою позицию и последовательность маневров. Глаза горят от азарта, уже ждут начала штурма. С ними все получится, прорвут они линию обороны и будут дальше теснить германскую армию ударными темпами.

Они еще в течение часа обсуждали план действий, потом перешли к обычным разговорам, делясь фронтовым опытом.

Неожиданно в просвете брезентового полотнища показался румяный от мороза Бабенко:

– Получил, Алексей Иванович, новехонький, только с завода. Там командир батальона вернулся и почту привез из штаба.

– Товарищи, час отдыха для обеда и чтения почты. – Соколов увидел, как мгновенно изменились суровые лица фронтовиков, расцвели теплыми улыбками. Каждый сейчас вспомнил о доме, о любимых, близких, о том, ради чего они воюют. Ждали этих писем несколько месяцев, и вот наконец тугий мешок с посланиями прибыл. – Потом занимайтесь матчастью, взводным – составить карточки секторов обстрела. В шесть вечера жду командиров отделений и взводов с рапортом по боеукладке и топливу.

Танкисты заторопились к выходу, и вместе с ними двинулся командир. Писем ему ждать было не от кого, но теперь он с нетерпением ждал возвращения Лаврова, чтобы узнать, когда же отправят войска для освобождения пленных из Озаричей.

Но еще более мрачный, чем утром, комбат на предложение старшего лейтенанта укрепить атаку танков стрелками лишь отрицательно покачал головой. Потом молча выслушал подробный план захвата станции и кивнул:

– Молодец, хорошо все продумал. Но справляться придется своей ротой, все соединения распределены вдоль линии наступления, пехотная дивизия атакует на рубеже Плесецкого канала, там из-за обстрела немцами не сумели построить переправу для танков. В общем, там без пехоты не обойтись. Как займешь станцию, уходи к «Коммунисту», там завтра я камня на камне не оставлю от позиций немцев. – Он застонал вдруг и с размаху ударил ладонью по земляной стене. – Должен быть выход, должен! Не можем мы их бросить умирать на болоте! – Словно отвечая на непроговоренный вопрос Соколова, он повернулся к своему ротному и тряхнул в отчаянии парня за плечи. – Весь день всем штабом голову ломали, как их вызволить. Срочную депешу генералу Батову отправили. И тот молчит! Не могу я так, Алексей! Завтра после боя выдвигаемся туда. Я не знаю как, хоть своими ногами по лесу, хоть руками голыми душить охрану будем, но спасти людей надо!

– Я согласен! – заволновался парень. – Мы на танке там за линией фронта проходили, я посмотрю карту, найду путь! У меня там девушка может быть любимая, она живет в Моги-

левском районе, он соседний с Озаричами. Летчик сказал, что всех жителей туда из соседних районов согнали. Я готов на все, товарищ командир!

Он и правда был так же, как Лавров, готов на любую жертву ради спасения несчастных людей. С комбатом ему было с первой минуты знакомства легко. Тот, огненный и открытый в минуты волнений, рассудительный во время совещаний, казалось, слышал и проговаривал вслух все мысли, что были у Соколова в голове. Вот и сейчас он заглянул в глаза парню и сказал:

– Мы спасем их, обещаю!

Глава 3

Утром перед маршем командир роты лично обошел все экипажи, чтобы убедиться, все ли готово для выступления. Танкисты без привычных шуток и хохота приветствовали командира. Один из них удивил своим видом ротного. Высокий, сутулый, с длинными ногами и руками, без головного убора, он был одет в куцую, не по размеру куртку, из прорех которой пучками торчала вата.

– Что за вид, рядовой? Как фамилия? – Алексей был настроен сурово, не из боя они вышли и не от немцев по лесам скрывались, чтобы выглядеть таким пугалом.

– Рядовой Гуг-гулевич, т-т-товарищ командир, – виновато скороговоркой выкрикнул парень.

За него тут же вступился командир отделения Христо:

– Не ругайтесь, товарищ командир, это Гуля наш. Мой мехвод Гулевич, он после контузии из госпиталя возвращался, его штрафники в карты раздели. Вот насобирали одежду со всех по нитке. Он малахольный немножко, чисто ребенок, мы уже привыкли. Но водитель отличный, с закрытыми глазами танк проведет, где надо.

Соколов покачал головой, разберется позже с этим странным типом. Пора выступить на марш.

Машины выстроились рядами и пошли за головным танком, которым управлял Бабенко. В люках башнеры наблюдали за периметром вокруг, выглядывая, нет ли в небе вражеских штурмовиков, не слышны ли звуки выстрелов из приготовленной немцами засады. На дороге было тихо, раздавалось лишь гудение двигателей, да в ушах звучал шум эфира. Соколов опустил в танк.

– Логунов, примите наблюдение! – Он переключил ларингофон на командирскую частоту. – Всем экипажам прием, говорит командир роты. Командиры взводов, доложите оперативную обстановку.

Мгновенно отозвались башнеры машин с цифрами 078 и 016 на башне.

– Командир взвода Рыжиков, все спокойно, идем по курсу.

– Ноль шестнадцатый, Успенский, идем по курсу. – И тут же Семен пробормотал под нос прямо в эфир: – Ох, не нравится мне эта тишина.

– Мне тоже, товарищ сержант, как бы немцы засаду не устроили, – поддержал его Соколов, который тоже нервничал из-за безмолвия вокруг. – Усилить наблюдение, оружие привести в боевой порядок. Через пять километров начинается первая линия обороны, минное поле. Построение в два ряда по моему приказу.

Стоило танкам вытянуться в две линии перед минными полями, где саперы трудились всю ночь, расчищая проходы и устанавливая вешки для их обозначения, как вдалеке загрехотала канонада артиллерии – заиграл «сталинский орган», как и обещал Лавров. Батальон начал наступление вместе с остальными частями танковой бригады, вытянув линию атаки на несколько десятков километров, чтобы прорвать оборону вермахта и танковым клином, словно острым ножом, вспороть систему из минных полей, фортификаций и огневых укреплений.

Охрана на вышках и крыше станции тоже заметила русские «Т-34» и принялась поливать машины пулеметными очередями. Соколов нервничал, ведь надо успеть пройти эти сотни метров до стальных конструкций с густыми обмотками из проволоки как можно быстрее, пока противник не применит что-нибудь помощнее, чем пулеметы. Но мехводам приходилось вести машину на пониженной передаче, ювелирно придерживаясь линий узких проходов, чтобы не нарваться на мину, которая может вывести танк из строя, а значит, создаст затор на пути у тех, кто идет позади. Лишь один водитель провел свой «Т-34» довольно лихо, не снижая скорости, попадая ровно в колею между сучками для ориентира. Соколов прильнул к панораме: 031, танк

Христо. А управляет им так лихо тот самый недотепа Гулевич, который возмутил командира своим внешним видом. Старший лейтенант прижал ларингофон к горлу:

– Тридцать первый, говорит восемнадцатый. Сбавь обороты, не надо будоражить остальных.

Хоть и приятно было Соколову смотреть, как ровно выводит водитель тяжелую бронированную технику, но он понимал, что может найтись желающий повторить маневр за лихачом. А вот опыта для управления может не хватить. И ценой удали будет подорвавшийся на mine танк.

– Так точно, товарищ командир, – отчеканил Яков, и тут же его машина замедлила ход.

Да и остальные экипажи тоже растеряли шутиливость, в эфире царило молчание. Даже говорун Успенский молча вдавил лицо в панораму, через зеленый триплекс следя, чтобы танк не сбился на опасном участке с маршрута.

Метр и еще один в напряженном молчании, только лязгают гусеницы, монотонно гудят двигатели, мехводы двигают рычагами, словно ничего не происходит. Будто танки идут обычной проходкой, а не под нарастающим шквальным огнем из фашистских пуль. Немцы поливали все сильнее и сильнее, пули с визгом отлетали, чиркали, высекали искры от бронированных бортов. Конечно, пулеметы бессильны пробить броню, но как же трудно сохранять внутреннее спокойствие, когда в лицо несется рой из смертоносных снарядов. Они, будто густой град, оранжевый и страшный, выбивают жуткую дробь по железным бокам танка. Хорошо, что рота подобралась сильная, опытная, как обещал Лавров. Никто не закричал, не запетлял в испуге по колею между мин, не остановил от шока мерное движение танков.

Опасный участок, когда танки шли друг за другом на открытом участке местности без возможности маневрирования, наконец закончился.

– Логунов, ориентир – пулемет на крыше станции. Рыжиков, вышка по левому флангу, Успенский, пост на правом фланге. Снять охрану! – Пришло время остудить пыл немцев.

Почти одновременно прозвучали все три огневых залпа из пушек «тридцатьчетверок». Логунов взял прицел низкомерно и снес вместе с пулеметом и стрелком часть крыши. Доски и тело между ними рухнули за почти двухметровый забор, да так, что немец распластался кровавой лепешкой на белом снегу. А на крыше забалансировал расчет из двух человек, спешно устанавливая на нижние станки два длинноносых тяжелых ПТР *schwere Panzerbüchse 41*. Опасный противник для танков на таком расстоянии. До забора осталось всего лишь метров триста, и пуля, выпущенная из тяжелого противотанкового ружья, пробивает бронированный лист толщиной до сорока миллиметров, а значит, меткий стрелок сможет даже в лобовой броне «Т-34» пробить отверстие и ранить экипаж.

– Логунов, ориентир – крыша. Огонь! Не давай им развернуть орудия! Остальным экипажам начать маневры, расчистить противотанковые укрепления!

Немцы все еще возились с тяжелыми станинами двухсоткилограммового орудия, когда Логунов прильнул к прицельной сетке. Снаряд в казенник, прицел, огонь! Попадание! Крыша здания окончательно превратилась в зияющую прореху, утащив обрушившимися перекрытиями вниз вражеский ПТР вместе с расчетом. Остальные машины утюжили заграждения, сминая их мощными гусеницами.

– Двойками рассредоточение по периметру! На таран! Орудия поверните на левый фланг, чтобы не повредить.

Командир отдал новый приказ, и танки, разделившись на двойки, начали штурмовать высокий забор. От напора гусениц и бортов с грохотом и брызгами щеп лопнули доски, в образовавшиеся проемы хлынули советские танки, вытягиваясь в два боевых строя по обе стороны от железнодорожного полотна. Со всех сторон раздавались выстрелы винтовок, стрекот немецких пулеметов из разных точек. Три взвода стремительно шли вдоль путей, сминая гусеницами преграды, столбы вышек и нити колючей проволоки между ними. Расчистив территорию,

«Т-34» начали путь обратно, поливая пулеметным огнем кусты и заграждения, где притаились немецкие стрелки.

Два взвода разделяла полоса из нескольких черных лент рельсов, на одной из них пыхтел локомотив «Эшка» с коротким составом в пять вагонов. Из нескольких зданий, что вытянулись длинной буквой «Г», огибая разгрузочную площадку у тупикового пути, врассыпную бежали немцы. Кто-то просто убежал сломя голову в ближайшие заросли, кто-то на ходу отстреливался из автоматов. Лихая «тридцатьчетверка» с номером 031 на борту взвыла, крутанула петлю и, подкатившись боком к зарослям, куда, спасаясь, убегали противники, дала длинную очередь из пулемета, затем сразу же еще одну. Но командир роты только с досадой покрутил головой: опять этот лихач вперед всей роты спешит. Сам же подтянулся наверх и, приоткрыв люк, осмотрелся: неужели взяли плацдарм за каких-то пятнадцать минут, почти без выстрелов. Будто услышав его мысли, Успенский прошептал на командной частоте:

– Ох, не нравится мне эта тишина.

– Экипажи, уходим к лесному массиву, машины не покидать, вести наблюдение. Пулеметчики, с оружием по двое прочесывать лес, всех пленных на станцию. – Он нашел, чем занять лихача тридцать первого. – Христо, ваш экипаж ведет наблюдение за обстановкой на шоссе!

Танк под управлением Гули резво развернулся и поехал к проломам в заборе, встав кормой к роте. Все остальные машины выстроились вдоль полоски редкого пролеска в ожидании приказа Соколова. А тот никак не мог поверить: неужели задача выполнена? Слишком легко, слишком быстро. Но на станции было тихо, даже выстрелы отступающей разрозненной охраны затихли. Та, поняв, что ничего не может сделать с грозными машинами, бросилась наутек по кустам в глубину леса. Алексей прижал бинокль к глазам, осмотрел станцию. Как и приказывал комбат, никаких повреждений, кроме разбитой Логуновым крыши. С одной стороны широкого полотна из рельсов и шпал – его рота, прижатая к лесу, на другой стороне – разрушенные заграждения, широкая проселочная дорога да одинокий танк Христо, охраняющий подъезд к строениям и тупику с несколькими десятками цистерн. «В цистернах-то топливо, – подумал Соколов. – Их немцы планировали отправить в глубину оккупированной территории, подальше от форпостов. Вот почему настроили в три ряда заборов, здесь у фашистов топливная база».

В бинокле мелькнули с другой стороны тепловоза длинные ноги, торопливо бегущие вдоль маленького состава. Это Юрка Гулевич вылез из танка и зачем-то побежал вдоль состава. Хоть и был приказ не покидать машины, но он вечно нарушал распоряжения командира. Живой, как ртуть, парень не мог сладить со своим любопытством и неусидчивостью и не раздумывая бросался в новое приключение, за что регулярно получал выговоры. За всю войну он не был награжден ни одной медалью, хотя экипаж его неоднократно поощряли после сражений. Но вот Гулевича, или Гулю, как привыкли называть его боевые товарищи, награды упорно обходили стороной из-за дурацких выходок, от которых политрук и комбат лишь вздыхали: «Снова Гуля учудил». Вот и сейчас Гуля не утерпел, как только увидел заходящийся клубами пара паровоз, ноги сами понесли его прочь от танка к локомотиву и вдоль вагонов. Он вдыхал запах пропитки шпал, угольной гари и блаженно улыбался, вспомнив, как отец подсаживал его, еще школьника, в теплую кабину паровоза, где блестящие рычаги, кнопки и циферблаты так и манят прикоснуться к ним. Так бы и стал, как отец, машинистом, если бы не война. Вдруг ему показалось, что из дальней теплушки раздаются крики и стук. И он припустил туда, сдернул запор и с грохотом откатил тяжелую дверь. Из глубины вагона на него уставились настороженные глаза пожилого мужчины в изорванном полушубке:

– Наши? Русские?

– Н-н-наши! – воскликнул радостно Гуля и указал за спину старика. – Вон возле леса т-т-танки! Вы-вы-выходите, не бойтесь. – Он протянул им длинную руку для помощи.

Из вагона начали спускаться человек десять, в порванной одежде, окровавленные, с опухшими от побоев лицами. Старик спустился, но руку парня не выпустил:

– Спасибо! Спасибо, спасли нас! Мы – партизанский отряд, нас сдал один перебежчик, захотел фрицам прислужить. Немцы повязали всех, пытали, били, половину расстреляли, а нас вот здесь заперли. Уже с жизнью прощались, и тут вы! Танкисты! Наши! Красноармейцы!

Гуля кивал и улыбался на каждое его слово:

– Ушли немцы, д-д-д-дедуль!

Махнул рукой в сторону шоссе, повернул голову... и остолбенел. По дороге шли немецкие «Панцеры», огромная щетинистая черная масса. До них буквально оставалась пара километров. На белой полосе дороги хорошо были видны широкие гусеницы тяжелых «Панцервагенов», которые выстроились по три в ряд, с крестами на черных бортах. Машины на средней скорости спускались с пригорка, выставив грозные пушки. Гуля оттолкнул деда, выкрикнул:

– Бе-бегите, бегите к лесу! Скажите нашим, что т-т-танки, танки немецкие по дороге идут. М-м-много!

А сам бросился в кабину тепловоза, руки действовали быстрее, чем голова. Сам не осознавая, что делает, он дернул рычаг и пустил локомотив задним ходом, так что вагоны, ломая сцепки, дернулись, наползая друг на друга. Коротенький состав задрожал, отъехал назад и перекрыл видимость, став заслоном между надвигающейся колонной немецких танков и «Т-34». Танкист выскочил из кабины и бросился к своей «тридцатьчетверке».

– К-к-к-к, – и зашелся в проклятом, мучившем его после контузии заикании, показывая пальцем в сторону жуткой железной громадины.

Командир танкового отделения Яков Христо уже понял своего мехвода без слов, кивнул и, надевая шлемофон, исчез в люке:

– Это тридцать первый. По левому флангу с дороги идет колонна танков, насчитал три десятка. Две минуты, и они здесь.

– К бою, танкисты! – раздались выкрики взводных.

Но ротный командир не спешил отдавать команды, понимая, что бой принять нельзя. Иначе не удастся выполнить приказ «не разрушить станцию». Один выстрел в цистерны – и будет разрушен важный узел, на воздух взлетят сотни литров дефицитного топлива. По броне глухо застучали валенки, в открытый люк просунулась седая голова:

– Ребятки, танкисты, там немцы на «тиграх» прут! Мы партизаны местные, нас ваш хлопчик из вагона выпустил! Он там остался один!

– В обход через лес мы пройдем к дороге? – Алексей на ходу продумывал план действий.

Сразиться прямо на станции он не сможет, надо выманить противника как минимум на километр отсюда. Лихач Гулевич сможет это сделать! Маневрируя, выписывая повороты, уйдет по железнодорожной насыпи дальше. А они сделают полукруг через лес и выйдут немцам в тыл.

– Можно, там болотисто, правда, в одном месте... – закивал старик. – Но танки в сорок первом проходили. Минут за семь обернемся.

Соколов уже отдавал приказы в ТПУ:

– Бабенко, уходим в лес, надо обойти станцию. Прокладывайте маршрут как можно короче, надо зайти на дорогу с юга, немцам в хвост.

– Ясно, выполняю. – Машина загудела и вошла в просвет между деревьями, сминая чахлые кустики.

Партизан, перекрикивая гул мотора, изо всех сил выкрикивал в люк команды, куда направлять машину. В это время командир переключил частоту для связи со всеми экипажами:

– Христо, боевая задача – увести немцев дальше по дороге. Идите по насыпи, как можно быстрее вперед вдоль дороги, уводите их от станции как можно быстрее. Продержитесь пять минут! Мы выйдем в тыл колонне и тогда откроем огонь.

– Есть, – азартно выкрикнул молодой командир и тут же передал приказ своему экипажу. – Гуля, гони со всей силы вдоль железки! Виляй задом, чтобы все «тигры» за тобой рванули! Вперед!

– Все экипажи за командирским танком! Приготовиться к бою.

Последний приказ Соколов отдал спокойным голосом, волнение ушло – он нашел возможность выполнить приказ! В ТПУ приказал радисту Омаеву:

– Доложи комбату о засаде, мы принимаем бой.

В лесу Бабенко орудовал рычагами, осторожно, внатяжку выводя ровный след гусеницами. Теперь от каждого его движения зависела судьба «Т-34», необходимо совершать только плавные движения, двигаться равномерно. Тяжелая бронированная машина, словно огромный призрак, с тихим шумом мягко прокатилась по мшистому сырому грунту, остальные шли след в след за командирским танком. Пропетляв по лесу два километра на юг, машины объехали территорию станции и неожиданно вышли у края минного поля напрямик напротив бортов последних «тигров» из колонны, что мчалась по шоссе следом за вихляющим 031. «Тигры» с ревом увеличивали скорость, преследуя шустрый советский танк. Они шли клином по шоссе, а «тридцатьчетверка» с красными звездами неслась по возвышенности, обходя преследователей метров на пятьсот. Расстояние для пушки Panzerwagen VI, равное почти выстрелу в упор. Вот только мишень оказалась неуловимой. Танк, управляемый проворным Гулевичем, выделял петли, кружил то на одной гусенице, то на другой, уходя от выстрелов, что сыпались на него из нескольких десятков орудий. Пара болванок уже чиркнули по башне и гусенице, но только добавили азарта всему экипажу. Яков грозил кулаком, выкручивая прицел и посылая в ответ в черную массу немецких танков снаряды:

– Давай, Гулька, жми, жми, не промахнись! Их там как жуков навозных.

Выстрел! «Панцер» с крестами словно споткнулся, башню скосило от удара бронебойным снарядом в сторону, и изо всех щелей повалил густой дым.

Командирский танк тем временем шел самым первым в ряду советских танков. Логунов поймал в визир крест на борту немецкой машины:

– Короткая, Сема!

«Т-34» мягко замер для прицеливания. Выстрел! Соколов прокричал в рацию команду:

– Огонь по флангам! В борта бейте, они их слабое место.

Три танка на передней линии остановились и навели прицелы. Выстрел, второй, третий! Задние машины германской армады встали, из каждой, закрывая дорогу, повалил черный дым. Остальные «Т-34», ревя моторами, выстроились в две боевые линии, обходя противника по флангам вдоль дороги.

– Все экипажи, бронебойные! Успенский – левый фланг, Рыжиков – правый. Огонь!

Бочкин лязгнул казенником, загоняя новый снаряд. Логунов начал вращать ручки, наводя прицел. Вот начал разворот танк посередине, подставив уязвимый для снаряда бок. Залп! «Тигр» не закончил маневр, дрогнул всем корпусом, из люка вдруг взвилась огненная стрела и опала черным душным облаком. Танкисты из подбитых немецких машин стали прыгать на дорогу и пытаться убежать. Но Руслан с победным криком нажал на гашетку пулемета:

– Уйти вздумали! Не выпущу отсюда никого!

Немецкие танки заметили атаку сзади и, сбавив скорость, начали поворачивать назад, чтобы контратаковать. Крайний на левом фланге «Панцер-IV» полыхал факелом, преграждая дорогу остальным, еще два танка замерли, врезавшись в невидимое препятствие. Языки пламени из моторного отсека уже лизали борта, грозя вот-вот рвануть бензиновые двигатели. Два головных немецких танка снова сделали оборот в поисках другой дороги, но теперь с пригорка насыпи впереди их караулил танк Христо. Вся колонна оказалась зажата ротой легких «Т-34». Но и немцы сдаваться не спешили. Пятиметровые грозные пушки их танков начали в ответ

изрыгать огонь. Один снаряд прошил замешкавшийся во время маневра советский танк, так что сорвало башню, и на обугленном искореженном борту повис мертвый мехвод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.